

Голос звучал без малейшей женственности — ясный, уверенный мужской голос.

Гу Та внутренне похолодел. Мужчина?!

Автор хотел бы заметить:

Янь Цзою, хоть и появляется в женском облике, не подлый, не женственный и не слабый.

Он просто живёт в своё удовольствие.

Можете смело продолжать читать.

Новая история началась, добро пожаловать!

Глава вторая. Раздуть огонь и подбросить дров

Услышав, что это мужчина, Гу Та мгновенно почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Мужчина?

Мужчина!

Э-э...

Он на несколько секунд остолбенел, а потом подумал: если это мужчина, то к чему ему, Гу Та, здесь торчать? Тем более, парень внутри, судя по всему, гей — надо бы поскорее уносить ноги.

Но его ноги будто приросли к земле. Разговор внутри успел зацепить его внимание, да и поза у парочки была весьма... необычная.

«Девушка» явно дразнила парня, но не позволяла ему прикоснуться даже к волоску. Зато разрешала... дрончить! А сама «девушка», чтобы парню было приятнее, любезно... подвывала рядом.

Что за дичь?

Всё равно что раздувать огонь и подбрасывать дров, чтобы пламя желания разгоралось всё сильнее.

Гу Та даже пожалел того парня. Встречаться с таким человеком — непонятно, счастье это или несчастье.

Впрочем, ему-то что? Он просто зритель, слушает себе и слушает.

А стоны были что надо —

Сначала тихие, расплывающиеся в душевной, тёплой ночи, сдержанные и страстные. Потом — с паузами, с переливами. К концу звук нарастал, становился всё громче, апофеозом стали прерывистые вздохи, от которых у любого загорелись бы щёки.

Выслушав всё это, Гу Та мысленно подвёл итог: Ничего себе. Непросто, непросто. Стонет ничуть не хуже, а то и лучше, чем женщины в порно.

Лунный свет заливал тёмный переулок. Шум изнутри постепенно стихал.

— Кончил?.. Как тебе мои стоны? Приятно слушал?.. Если кончил, отойди подальше, здесь жарко. — Янь Цзою вытащил салфетку, швырнул её Чэн Хао и высокомерно вскинул голову. — Хорошо тебе было?

На его лице ясно читалось: «Ну, хвали меня скорее!»

— Янь Цзою! — в голосе Чэн Хао прозвучала досада.

Ему страстно хотелось дать пощёчину, но, взглянув на это лицо, он не смог даже руку поднять. Стиснув зубы, он процедил:

— Очень хорошо.

Впрочем, злость быстро улеглась. Они встречались три года, и все эти три года Янь Цзою не позволял ему прикоснуться к себе. Если бы не красота партнёра, он бы давно уже порвал. Кто станет терпеть такое воздержание?

Сегодня же, наоборот, Янь Цзою впервые разрешил ему подрочить — настоящий подарок судьбы.

Янь Цзою взял Чэн Хао за подбородок и прищурился. — Кто это уронил молочный чай на землю? Совсем меня на людях не уважаешь?

Чэн Хао бросил на него взгляд. — А кто отказался ехать со мной в Америку?

— У меня тут дела. Как только снимусь для обложки «Жуфэй», сразу вернусь.

— Сяо Янь, раз мы надолго расстаёмся, дай мне хоть разок поцеловать, а? — попросил Чэн Хао.

Янь Цзою решительно покачал головой. — Нет! Ни за что!

— Почему нет? Мы же пара! Влюблённым целоваться и держаться за руки сам бог велел! Ты ведёшь себя слишком... — Чэн Хао говорил уверенно и логично, но на полуслове запнулся. Интуиция подсказывала: продолжать опасно.

— Что? — Янь Цзою прищурился, концовка фразы поползла вверх, а взгляд стал томным и соблазнительным. — Имеешь что-то против?

Он достал из сумки сигареты, вытряхнул одну и зажал в губах. Взял зажигалку. Ветра сегодня не было и в помине, но он по привычке прикрыл ладонью пламя.

Раздался лёгкий щелчок, и в темноте вспыхнул тусклый огонёк, весело запрыгавший на ветру. Его свет озарил лицо Янь Цзою, сделав его ещё более пленительным.

Янь Цзою смотрел на Чэн Хао влажным, переливающимся взглядом.

Этим изящным, нежным лицом Чэн Хао любовался уже три года, но пресыщения не наступало — напротив, с каждым днём тянуло к нему всё сильнее.

Что ещё можно желать, имея рядом такого красавца? Вся предыдущая досада тут же испарилась. Но внутреннее желание никуда не делось — видеть перед собой лакомый кусок и не мочь его вкусить было настоящей пыткой.

— Ты просто маленький демон-искуситель, но я обожаю тебя таким, — Чэн Хао сдался, его

взгляд с любовью задержался на лице Янь Цзою. Он приблизился, почти касаясь его щеки губами. — Скажи, ты ведь просто играешь со мной? Мы вместе три года, а ты до сих пор не позволяешь мне прикоснуться. Неужели тебе весело?

— Да, весело, — Янь Цзою соблазнительно улыбнулся, снова взял Чэн Хао за подбородок. Он затаился, и дым выдохнул ему прямо в лицо, в шею. Они стояли так близко, что почти соприкасались. — Пообещай признаться в наших отношениях всем — и я позволю тебе прикоснуться.

Он никогда не согласится!

Их отцы враждовали. Быть вместе они не могли. Именно поэтому им приходилось встречаться так далеко от дома.

К тому же, это был далеко не первый раз, когда Янь Цзою задавал этот вопрос.

Он бросал Чэн Хао этот вызов именно потому, что тот не мог на него ответить. А раз нет ответа на этот вопрос, не будет и ответа на вопрос о постели.

Всё дело было в его сексуальной брезгливости. И она была очень сильной. Стоило ему вступить в близость, как начиналась одышка, судороги, по телу выступала мелкая красная сыпь.

Об этой болезни было стыдно говорить, а Янь Цзою чрезвычайно дорожил своей репутацией. Поэтому он предпочитал скрывать правду.

— Уже три года прошло, — Чэн Хао помолчал, а потом рассмеялся и ущипнул Янь Цзою за щёку. — Так вот в чём дело?

— Да, именно в этом.

— Ладно, это же пустяки! Завтра же представлю тебя родителям, а сейчас давай завершим наше бракосочетание? — С этими словами Чэн Хао попытался поцеловать Янь Цзою, но тот отвернулся. Чэн Хао рассердился. — Неужели нельзя дать мне хотя бы поцеловать тебя?

— Мне кажется, ты просто отмахиваешься. Ты же знаешь, что завтра меня забирают на съёмки для «Жуфэй», поэтому специально выбрал этот момент, да?

— Дорогой, как ты можешь так думать! Ты же знаешь, я люблю тебя, люблю больше всего на свете. Я дам тебе всё, что ты захочешь, и всё будет самым лучшим. — Губы Чэн Хао скользнули по щеке Янь Цзою, и тот не отстранился.

Есть шанс!

Не теряя времени, Чэн Хао откинул волосы с лица Янь Цзою. — Дорогой, давай поженимся завтра! Ну, дай же мне поцеловать тебя.

Янь Цзою молчал. За эти три года он не раз поднимал вопрос о том, чтобы открыть их отношения, но Чэн Хао всегда отказывался. Оба они были моделями, публичными людьми, и им приходилось скрываться. Теперь, когда Чэн Хао вдруг заговорил об этом, Янь Цзою не мог не растрогаться.

Чэн Хао медленно приближался.

Но в самый последний момент Янь Цзою снова отвернулся.

Его дыхание стало тяжёлым, будто он изо всех сил что-то сдерживал.

— Что опять?! — Терпение Чэн Хао было на исходе.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— А если они не согласятся?

— Какое им дело до нас? Пусть думают что хотят.

Увидев, как Янь Цзою опустил голову, Чэн Хао почувствовал, как у него сжимается сердце.

— Ладно. Через два-три дня я закончу дела и позвоню тебе. Ты прилетишь, мы соберём родителей и всё им расскажем. Договорились?

— Хорошо, хорошо, всё будет как ты хочешь. Только дай мне сейчас поцеловать тебя.

— Ну... ладно. Только один раз!

Чэн Хао осторожно прикоснулся к его губам. Янь Цзою закрыл глаза — выражение лица было таким, словно он готовился к казни, но покорно её принимал. Чэн Хао смотрел на него, и ему было и смешно, и досадно.

В тишине ночи, в тесном пространстве переулка Янь Цзою отчётливо слышал, как бьётся сердце Чэн Хао.

— Дорогой, приоткрой губы...

Не успел он сказать «нет», как язык Чэн Хао уже проник в его рот. Янь Цзою упёрся руками в его грудь, бормоча что-то невнятное:

— Выйди...

Но Чэн Хао и не думал останавливаться. Он прилетел из Америки в город А, несколько дней терпеливо уговаривал — и наконец добился своего. Как он мог остановиться сейчас?

Вспоминая эти три года воздержания, он чувствовал себя глубоко несчастным. И его руки начали двигаться всё смелее.

<http://bllate.org/book/16261/1463041>